

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г45

Издание для досуга
Чарльз Грабер
Добрый медбрат
True drama

16+

Перевод с английского — *Антон Стрельцов*
Заведующая редакцией *О. Ро*
Литературный редактор *Е. Кочугова*
Ответственный редактор *Е. Рябинина*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Оформление обложки *Я. Паламарчук*
Компьютерная верстка *К. Горячева*
Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Kuhn Projects, LLC и Nova Littera SIA.

Грабер, Чарльз.

Г45 *Добрый медбрат / Чарльз Грабер; [перевод с английского А.И. Стрельцова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (True drama).*

ISBN 978-5-17-114616-0

© 2013 by Charles Graeber

© Robert Krivicich, photo

© А.И. Стрельцов, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Подписано в печать 25.09.2019. Формат 84×108/32
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 16,8. Тираж 2000 экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации

Изготовлено в 2019 г.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 – книги печатные.

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д.21,

строение 1, комната 705, пом. 1, 7 этаж.

Наш сайт: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, уй 21, 1 құрылым, 705 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz • Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РАЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РАЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию

в республике Казахстан: ТОО «РАЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РАЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,

Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

ОТ АВТОРА

Это реальная история, основанная на шести годах исследований и интервью с десятками информаторов, включая самого Чарльза Каллена.

Чарли — гордый и сложный человек, который, не считая наши беседы, никогда не делал публичных заявлений и не дал ни одного интервью СМИ. Наше общение продолжалось несколько лет, начиная с его попытки стать донором почки из тюрьмы. Продолжать его он не видит смысла.

Его точку зрения можно проследить на протяжении всей книги, однако конечная оценка принадлежит все же не ему.

Многие люди, молчавшие до этого, выступили для того, чтобы эта книга могла быть издана. Все они рискнули своей конфиденциальностью, некоторые — карьерой и репутацией. Некоторые рискнули своей свободой. Имена и личные подробности были изменены там, где они об этом просили, чтобы защитить их частную жизнь и жизни тех, кого затронули события, о которых рассказывается в этой книге.

Я приложил все усилия, чтобы рассказать эту историю точно на основании фактов, собранных из полицейских отчетов, свидетельских показаний, расшифровок, записей телефонных разговоров, записи слежки, судебных документов, показаний под присягой и личных интервью. Некоторые расшифровки были несколько отредактированы для сокращения объема и ясности, а некоторые диалоги были по необходимости восстановлены на основании документов, перечисленных выше.

Однако, как это всегда бывает с историями об убийстве, главные свидетели лишены голоса. Эта книга посвящается им, а также тем хорошим медбратам по всему миру, которые отдают свою жизнь заботе о нас.

ЧАСТЬ 1

1

3 октября 2003 года

Чарли считал себя удачливым. Карьера сама нашла его: случайно или по воле судьбы, он не знал. После шестнадцати лет на своей должности Чарльз Каллен был полноценным ветераном, официальным медбратом с дипломом о среднем образовании и степенью бакалавра по уходу за больными. Лицензии на расширенную сердечно-сосудистую реанимацию, внутриаортальную баллонную контрпульсацию и реаниматологию принесли ему стабильные 27,50 доллара США в час в больницах Нью-Джерси и Пенсильвании. Работа была всегда. Даже несмотря на плачевную ситуацию в Аллентауне и Ньюарке, медицинские учреждения расширяли свои центры прибыли, обрстая новыми специализациями и услугами и находясь в вечной конкуренции за привлечение опытных дипломированных медбратьев и медсестер.

К 16:40 Чарльз Каллен сидел в машине, выбритый, намазанный гелем и одетый в белое. Белый верх и белый низ, желтый кардиган и стетоскоп на шее — чтобы все понимали, что симпатичный молодой человек работает в больнице, возможно даже врачом, несмотря на его нежно-голубой десятилетний «форд-эскорт», которого уже коснулась ржавчина. После десяти лет в подвальной квартире в Нью-Джерси путь Чарли теперь начинался из-за границы штата, в Бетлехеме, Пенсильвания. У его новой девушки Кэтрин была там квартира, которую она украшала разными штучками из магазинов открыток: например, красными бумажными сердечками, или поющими хеллоуинскими тыквами-фонариками, или бумажными раскладывающимися индейками — в зависимости от сезона. И хотя Чарли начала утомлять Кэтрин и двое ее сыновей-подростков, ему нравилось жить у нее. Особенно нравился ему маленький задний дворик, где он мог бездельничать в теплые дни, оципывая цветы или делая опоры для томатов. Ему также нравилось, что всего пять минут требовалось, чтобы пересечь реку Лихай и оказаться в знакомом потоке на шоссе I-78

(восток) — артерии, выталкивающей тысячи рабочих на их смены в больницах, где не хватало мест, по всему «штату садов», пять или шесть из которых были неофициально закрыты для его найма.

За шестнадцать лет Чарльз Каллен стал объектом десятков жалоб и выговоров, четырех полицейских расследований, двух тестов на детекторе лжи, примерно двадцати попыток суицида и тюремного заключения, однако его профессиональная репутация осталась безупречной. Он переходил с работы на работу в девяти различных больницах и домах престарелых, и из большинства его «отпускали», «удаляли» или «просили уйти». Однако его лицензии медбрата в Пенсильвании и Нью-Джерси оставались чистыми. Каждый раз, когда медбрат Каллен заполнял анкету в новом месте, он выглядел идеальным кандидатом. Его посещаемость была образцовой, служебная одежда — стерильной. Он имел опыт в реаниматологии, кардиологии, вентиляции легких и ожогах. Он давал пациентам лекарства, был первым, кто оказывался на месте, когда аппараты фиксировали смерть, а также демонстрировал навыки в духе оригами при заворачивании тел в пластик. У него не возникало потребности изменить расписание, он не ходил в кино и не интересовался спортом, а также хотел, даже жаждал работать по ночам, в выходные и праздники. У него не осталось обязанностей перед женой и опеки над своими двумя детьми. Свободное время он проводил на диване Кэти, переключая телевизор с канала на канал. Неожиданное поступление или трансфер пациента могли заставить его одеться и выехать из дома раньше, чем начнется рекламная пауза. Коллеги считали его посланником богов графика, настолько хорошим сотрудником, что не верилось в его существование.

Дорога до его новой работы в Медицинском центре Сомерсета занимала по сорок пять минут в каждую сторону, однако Чарли это не беспокоило. На самом деле ему это было нужно. Чарли считал себя разговорчивым, и это подтверждалось тем, что он легко делился неуютными деталями своих ссор с Кэти или нелепо разваливающейся домашней жизни. Однако существовали вещи, о которых он не мог поговорить ни с кем, — тайные сцены, которые он проигрывал в голове только для себя одного. Лишь путь из дома на работу и наоборот позволял ему об этом поразмыслить.

Его маленький «форд» забарахлил после того, как он съехал с дешевого асфальта в Пенсильвании на гладкую дорогу в Нью-Джерси. Чарли держался в левой полосе до знака на съезд номер 18 — маленькую одностороннюю дорогу на трассу 22 в Сомервилль и на Рехилл-авеню. Это была хорошая часть Нью-Джерси, самого богатого штата союза, та часть, про которую не отпускали шуток, — пригородные улицы, усаженные большими деревьями, ухоженные дворы, не испорченные брошенными лодками или сломанными батареями, чистые дороги, на которых чаще встречались взятые в лизинг «сатурны», а не старые «эскорты». Он заглушил мотор в гараже, как обычно приехав раньше, и поспешил к заднему входу в больницу.

За двойными дверями находился никогда не засыпающий шумный город, освещенный гудящими флюоресцентными лампами, — единственное место, в котором Чарли чувствовал себя как рыба в воде. Ступив на сияющий линолеум, он почувствовал прилив восторга, волну тепла, вызванную запахами родного дома: запахами пота, марли и бетадина, ароматами вяжущих средств и антибактериальных детергентов, а также, помимо всего этого, сладковатым запахом человеческого разложения. Он стал подниматься по задней лестнице, перешагивая через ступеньки. Его ждала работа.

Работа Чарли принимала его так, как не принимала почти ни одна другая сфера его жизни, начиная с детства. Чарли описывал его как «жалкое». Он был поздней ошибкой¹ своих родителей, ирландских католиков и выходцев из рабочего класса, которую они с трудом могли содержать². Он родился незадолго до смерти своего отца и задолго после того, как все семеро его братьев и сестер выросли и переехали. Их небольшой деревянный дом в Уэст-Ориндже³ был мрачным, несчастливым местом, над которым тяготели наркозависимость братьев Чарли, бесконечные беременности и нищета взрослых сестер, а также странные и грубые мужчины, которые приходили их навестить в любое время дня. Только мать Чарли старалась оберегать его от того, что происходило в этих комнатах на втором этаже. Он был крайне привязан к ней, но даже ее любви ему не хватало. Она погибла в автокатастрофе, когда Чарли учился в старшей школе. После этого он остался совсем один. Он ненавидел больницу,

которая оставила ее тело у себя, и утешить его было невозможно. Он попытался покончить с собой, вступить в армию, но ни то ни другое не увенчалось успехом. В конце концов он вернулся в больницу, в которой умерла его мать, и нашел свою цель в жизни.

В марте 1994 года⁴ Чарльз Каллен был единственным студентом мужского пола⁵ в школе обучения медбратьев и медсестер Маунтинсайд в Монклере, Нью-Джерси. Он был умным и хорошо учился. Ему идеально подходила эта учеба и униформа, а женское окружение было знакомым и комфортным. Когда почетный президент группы ушла после двух недель первого семестра, одна из сокурсниц Чарли настояла, чтобы он заступил на этот пост⁶. Она убеждала его, что лучшего лидера не найти: Чарли был умным, красивым и, что важнее всего, мужчиной. Чарли было приятно, но выдвигать свою кандидатуру в качестве президента было не совсем в его стиле. Чем больше он возражал против этой идеи, тем сильнее сокурсница старалась его убедить. Ему не нужно будет ничем рисковать, она все сделает сама. Чарли неплохо себя чувствовал в пассивной роли ворчливого кандидата, еще лучше — когда победил. Позиция президента группы была скорее символической, однако казалось, что она открывает некий новый этап в жизни Чарли. Спустя шесть лет после того, как его мать закончила свою жизнь в больничном морге Маунтинсайда, Чарли стал его избранным наследником, коронованным и признанным всем штатом профессионалов по уходу за людьми в их белой униформе. Впервые в жизни он чувствовал себя особенным. В сознании Чарли это было нечто, очень близкое к любви.

Чарли оплачивал обучение благодаря работе в заведениях анонимной франшизы, проводя часы за приготовлением пончиков и переворачиванием мяса. Он пополнял запасы, засыпал приправы, а в перерыве мыл полы — уборка требовалась всегда. Он находил забавным, что слова вербовщика о том, что армейские навыки помогут ему в гражданской жизни, оказались правдой. Так же, как и на флоте, все его гражданские профессии требовали ношения униформы. Для «Данкин донатс» это была коричнево-оранжевая рубашка и козырек. В «Кэлдор» униформа была такого же цвета, но отличалась полосками. Чарли приходилось быть

внимательным к тому, правильную ли рубашку он вытащил из кучи одежды на полу. В ресторанах «Рой Роджерс» заставляли носить рубашку ржавого цвета, который делал незаметными пятна от соуса барбекю, так же как цвет ковров в казино делает незаметной жвачку. Эта одежда выглядела ужасно, но только не на менеджере Чарли, которую звали Эдриэнн. Особенно ему нравилось то, как был прицеплен ее бейджик.

Эдриэнн Баум⁷ была девушкой совершенно другого склада, чем те, которых Чарли знал в Уэст-Ориндже. Она была амбициозной, только что выпустилась из колледжа с дипломом по бизнесу и выплачивала студенческий кредит. Чарли наблюдал за ней, замирая со шваброй в руках во время уборки бара в «Рой Роджерс» в Уэст-Ориндже. Однако у Эдриэнн был парень, и ее вскоре должны были перевести в другое место. Чарли ушел и удвоил свои часы в «Кэлдор», который находился по соседству, однако обедать продолжал в «Рой Роджерс». Когда месяц спустя Эдриэнн вернулась уже без своего парня, Чарли был тут как тут.

Отношения развивались так быстро, как Чарли только мог устроить. Эдриэнн была удивлена тем, что под маской скромного мальчика с щенячьими глазками, которого она привыкла видеть за уборкой соусниц, скрывался такой уверенный в себе мужчина. Он хотел привлечь ее внимание и делал это всеми известными ему способами, заваливая Эдриэнн подарками и изображая идеального парня для ее семьи. Чарли был одержим попытками завоевать ее любовь, подкрепляя их постоянными цветами и сладостями, разными мелочами из магазина. Любую вещь, о которой Эдриэнн упоминала как о чем-то, что ей нравится, Чарли старался ей подарить. В конце концов ей пришлось попросить его перестать так делать. Она притворялась, что ее это раздражает, но на самом деле это, конечно, было не так. Она понимала, сколько девушек мечтали бы оказаться на ее месте. Этот парень был настоящей находкой. Тот факт, что Чарли постоянно уходил или его увольняли, она списывала на его высокие стандарты и загруженное расписание. Эдриэнн говорила своим подругам о том, что этот парень работает на трех работах, президент своего курса, относится к своей карьере так же серьезно, как она к своей. Да, он гой, а значит, не идеален. Однако близок к этому.

Вскоре любое свободное время, которое у юной пары находилось между их сменами и учебой Чарли, они стали проводить вместе. Они составляли союз, полноценный, но закрытый. Они называли это любовью, а спустя полгода после первого свидания⁸ они уже были обручены. Они поженились через неделю после того, как Чарли закончил учиться. Арендванный зал в Ливингстоне, смокинги, медовый месяц на Ниагаре — для Эдриэнн это было настоящей сказкой. Они вернулись на день раньше, чтобы ее принц мог выйти на свою новую работу в отделении ожогов в Медицинском центре святого Варнавы в Ливингстоне, Нью-Джерси. Больница предлагала дать ему еще немного времени, однако Чарли был непреклонен. Ему нужно было выйти именно в этот день, он не хотел опаздывать. Эдриэнн помахала ему на прощание и почувствовала, как перед ней расстилается странная дорога в будущее.

2

Июнь 1987 года

Сертифицированное отделение ожогов в Нью-Джерси существовало только в Медицинском центре святого Варнавы, поэтому он принимал всех: кошмарные останки людей, тех, кто пострадал от ожогов в аварии, домашних пожарах, несчастных случаях на производстве; мужчин, женщин и — чаще всего — детей, сгоревших почти полностью, без волос и век, обожженных настолько, что восстановить кожу уже невозможно. Работа Чарли заключалась в том, чтобы очищать таких жертв на металлическом столе: сдирать и отмывать обгоревшую и отмершую кожу с помощью антибактериального мыла и щетки. Даже в контексте реаниматологии это невероятно мрачная процедура; для человека, только выпустившегося из медицинской школы, — настоящий ад.

Все ожоги начинаются с истории. Мать, тянущаяся к чайнику в ночной сорочке¹; паралитик, роняющий сигарету; пьяный, подбрасывающий поленья в костер; пробитый бензобак изношенного автомобиля. Огонь — кульминация истории. Тело реагирует на травму предсказуемо. Наиболее смертельны ожоги третьей степени — множественные слои кожи, нервов, вен, артерий и мышц деформируются и от-

мирают, — однако ожоги второй степени причиняют больше боли, так как нервные окончания еще функционируют. В восьмидесятые отделения ожогов сотрясались от криков. Единственным спасением был морфий. Некоторые пациенты приходили в себя, другие проводили в отделении свои последние дни. Медработники знают, кого ждет та или иная судьба. Судьба пациента — сухая статистика, написанная у него на коже. Рано или поздно все учатся ее читать.

Одна и та же картина на обгоревшем холсте — человеческая фигура без волос и одежды. У нее нет возраста, пола, волос. Пальцы на ее ногах указывают на то место, куда она вскоре отправится. Руки вытянуты и повернуты ладонями вверх, в универсальном жесте мольбы и капитуляции. Ее глаза открыты, на них нет век, губы целы, но лишены выражения. Ее состояние можно определить со стопроцентной точностью, обращая внимание на остатки бедер, ног и головы. Характер повреждений соответствует определенному количеству очков: 1 — за гениталии, 1,25 — за каждую кисть и так далее. Однако есть и более простой способ.

Медработники называют его «правилом девяти». Каждая крупная часть тела — нога, спина, голова — соответствует девяти очкам. Общее число очков складывается и прибавляется к возрасту пациента; сумма — вероятность смерти. Согласно этому правилу, пятидесятилетний пациент с ожогами пятидесяти процентов тела — стопроцентный мертвец. Если не сейчас, то очень скоро. Правило помогает лучше справляться с неизбежным, а также определить, кому из пациентов больше требуется хотя бы скромная порция надежды. Каждый медработник в отделении ожогов знает это правило, говорить о нем нет большого смысла; его используют, а затем пытаются забыть о его существовании. Грядущая смерть, как черная кошка в отражении зеркала заднего вида, — всегда будет там, если смотреть. Так зачем смотреть?

Тем временем боль среди пациентов с ожогами невозможно вылечить, поэтому медработникам не остается ничего, кроме как вводить им все больше доз морфия. Когда пациенты умирают, не всегда можно определить: скончались они от передозировки или травм, несовместимых с жизнью. Все, что ясно: им больше не больно.

Пациенты в это отделение прибывают в любое время суток. Они попадают туда удивительным образом: на носилках или

приходят сами, в одиночку или группами. Иногда они сохраняют ясный рассудок, разговаривают, беспокоятся о том, что пропускают смену или прием у парикмахера. Так выглядит шок. Вскоре за ним приходит осознание реальности.

Жертвы ожогов подключены к аппаратам, капельницы подведены к венам на руках и бедрах, пластиковые трубки торчат изо всех отверстий, сверху и снизу. Соли, электролиты, обезболивающие, антидепрессанты, жидкая пища; тело набухает от жидкостей, иногда увеличивается в размерах вдвое. Мошонка раздувается до размеров волейбольного мяча, глаза вылезают из орбит, губы надуваются и трескаются, как пережаренные сосиски. Кожа натягивается до тех пор, пока пациент не становится твердым, как мрамор. Кровеносные сосуды закупориваются. Сердце начинает умирать. Поэтому их режут. Для хирурга это простая работа. Лезвие проходит по длине рук и ног, сзади и спереди. Разрезают даже кисти, распухшие, как вымя. Скальпель доходит до глубины сухожилий и делает пять небольших надрезов под костяшками, словно вырезает отверстия на кожаных перчатках. Надрезы² позволяют дать внутренностям больше места, как складки на брюках, облегчить давление, высвободив огромное количество жира и крови. Запах, возможно, ужасен, но кровотечение — это хорошо. Пока оно есть — пациент жив. Однако оно добавляет работы.

Плиссированные кожные покровы свободны, как кожаная рубашка с короткими рукавами, шокирующая на ощупь. Медработникам требуется время, чтобы приспособиться и научиться без усилий справляться с такими тактильными сторонами травм. Когда они перестают с ними справляться, они уходят. Некоторые медработники покидают отделение интенсивной терапии ожогов сразу и меняют его на что-то менее жестокое. Другие остаются до тех пор, пока не сталкиваются с обгоревшим пациентом, напоминающим им кого-то близкого или их самих.

Почти треть пациентов этого отделения — дети. Иногда ожоги — это наказание за то, что они обмочились в кровати или забыли сделать работу по дому. Медработники определяют следы насилия. Среди них ожоги от батареи и сигарет, зажигалок и конфорок, красные следы горячей воды и черные следы удара током. Каждый имеет собственный тип боли. Чарли видел их все.

Некоторая боль разбегается по коже паутиной маленьких красных следов, другая остается в виде волдырей или тонких белых рубцов. Медработники делали всё, от них зависящее, чтобы скрыть боль за чистыми марлями и бинтами, за ширмой обезболивающих. Однако Чарли знал, что боль может оставаться тайной. Боль может тлеть, обжигая изнутри и никак не проявляясь снаружи. Особенно у детей. В отличие от взрослых, дети не кричали, когда он их чистил, не хныкали, лежа в своих постелях. Дети терпели боль и хранили свои секреты, чтобы не быть наказанными. Мать Чарли никогда не использовала конфорку или горячую кастрюлю в качестве наказания, но причиняла ему боль иными способами. Его дразнили и били бойфренды сестер, большие парни, у которых были кольца, «шевроле», «камаро» и облегающие джинсы. Он чувствовал их взрослую силу и никогда не забывал, что значило быть ребенком, боящимся ее тени. У одной из его сестер был постоянный парень, который жестоко избивал ее на протяжении всей ее беременности. Она убежала, но бойфренд не уходил. Чарли тоже становился жертвой его безжалостного нрава.

Он познал боль в армии. Ожоги были наказанием за «порчу имущества флота», как они выражались. Он просыпался утром после увольнительной на берег, которая заканчивалась попойкой, со ступнями, красными от солнечных ожогов и опухшими до размеров футбольного мяча. Они заставляли его надевать военную обувь и давали лишь таблетку аспирина. Во время работы он напоминал себе, что он знает боль так, как не знает ее никто. Чарли думал об этих детях, находившихся в страшных мучениях, которые никто не был способен понять и унять. К этому времени медработникам запретили давать детям какие-либо обезболивающие сильнее тайленола-3³. Этого было совсем недостаточно. Многие медработники хотели давать детям больше. Некоторые из них так и делали.

Дети поступали в отделение горячими и опухшими, больными и напоминающими Чарли о его собственной боли. Он брал на руки этих кричащих, плавающих маленьких людей, зная, что скоро хирурги будут разрезать их, точно печеную картошку, делать Y-образные надрезы, чтобы их не разорвало, и это будет лишь первой в череде многочис-

ленных операций. Со временем их расплавившаяся кожа затвердеет и превратится в шрамы, венообразные линии, которые хирурги снова будут разрезать, чтобы шея и руки сохраняли подвижность. Без этих операций дети останутся запертыми внутри своих запеченных тел. Твердые шрамированные оболочки становятся слишком негибкими, чтобы справиться со скачками роста и нормальными движениями. Единственной надеждой таких детей были скальпель и «скафандр» — похожая на гидрокостюм одежда, которая сжимает ребенка в болезненных объятиях. Такой «скафандр» давит на шрамы, делая их тоньше, как скалка, которая без конца раскатывает неподатливое тесто. Возможно, если они будут трудиться не покладая рук, то со временем, ценой боли и давления, кокон из шрамов станет достаточно тонким. Однажды ребенок сможет двигаться и расти. Однажды, может быть, он даже сможет забыть о боли. Чарли знал, что дети могут жить. Может увеличиваться их возраст, но не тело; без помощи медработника они навсегда будут заперты внутри стонущего кокона их собственного детства. Чарли считал это одним из самых точных уравнений на свете: мир давил с одной стороны, а «скафандр» — с другой.

Чарли нравилось работать в «Святом Варнаве». Он знал, что он здесь полезен и необходим. Ему нравилось заботиться о немощных, мыть, кормить и одевать зависящих от него людей. Ему нравились одиночество ночной смены и профессионализм более старших коллег. Ему нравилось даже название госпиталя; воспитанный в католической семье, Чарли знал, кто такой апостол Варнава. У него были собственные отношения с этим святым. Церковь отмечает праздник апостола Варнавы 11 июня. В этот день Чарли Каллен начал работать в Медицинском центре святого Варнавы⁴.

В церкви, которую Чарли посещал по воскресеньям, в арке на витраже был изображен апостол Варнава в виде бородатого и красивого компаньона Луки и Павла — своего рода Арамис из «Трех мушкетеров» раннего христианства⁵. Будучи евреем, он носил имя Иосиф. Землевладелец, продавший свои угодья и отдавший деньги апостолам⁶. После обращения святой Варнава стал примером для подражания:

Позволь, Господи, следовать примеру твоего верного слугителя Варнавы, который в поисках не своей собственной